УДК 821.161.1 DOI: 10.31249/lit/2026.01.02

ЛЕВЧЕНКО Т.В.[1] ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.М. ЛЕВИНА ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» И ПОСЛЕ 1967 г.©

Аннотация. В статье представлен обзор неопубликованных эго-документов из архива литературного критика Ф.М. Левина (1901–1972), в том числе рукописей воспоминаний: «История моего космополитизма» (1958–1959), «Из воспоминаний» (1962), «Автобиография» (1966) и др. Рассматриваются их жанровые особенности и историческая значимость как важного дополнения истории советской литературы 1920–1970-х годов.

Ключевые слова: Ф.М. Левин; архив Левина; эго-документы; «История моего космополитизма»; жанровые особенности мемуаров.

Для цитирования: Левченко Т.В. Жанровое своеобразие и авторские стратегии в воспоминаниях, дневниках и автобиографических текстах Ф.М. Левина периода «оттепели» и после 1967 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 1. – С. 42–72. – DOI: 10.31249/lit/2026.01.02

Поступила: 24.07.2025 Принята к печати: 15.12.2025

[1] **Левченко Татьяна Викторовна** – кандидат физико-математических наук, главный эксперт, Национальный университет «Высшая школа экономики», Центр цифровых архивных исследований; tatlevchenko@mail.ru

© Левченко Т.В., 2026

Публикация подготовлена в рамках проекта «Язык, литература и культура в историческом и социальном измерении» (HSE-BR-2025-031) Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

LEVCHENKO T.V.[1] Genre originality and authorial strategies in F.M. Levin's memoirs, diaries and autobiographical texts of the "Thaw" period and after 1967[©]

Abstract. The paper reviews unpublished ego-documents from the new-opened archive of literary critic F. Levin (manuscripts of memoirs: *The Story of My cosmopolitanism* (1958), *From the memoirs* (1962), *Autobiography* (1966) et cetera). Their genre pecularities and historical significance as an important addition to the history of Soviet Russian literature of the 1920s–1970s are examined.

Keywords: Fedor Levin; Levin's archive; ego-documents; *The Story of My cosmopolitanism*; genre originality of the memoirs.

To cite this article: Levchenko, Tatiana V. "Genre originality and authorial strategies in F.M. Levin's memoirs, diaries and autobiographical texts of the 'Thaw' period and after 1967", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2026, pp. 42–72. DOI: 10.31249/lit/2026.01.02 (In Russian)

Received: 24.07.2025 Accepted: 15.12.2025

В настоящее время изучение литературного процесса советского периода вступило в стадию, когда основных его участников и свидетелей остается все меньше. Воспоминания, дневники, записки близких и дальних собеседников, представляющих современному исследователю и читателю свидетельства не слишком давней, но уже во многом забытой эпохи, приобретают особое значение. Четверть века назад журнал «Вопросы литературы» в первых номерах за 1999 и 2000 гг. публиковал материалы анкетирования и дискуссии авторов известных мемуаров, литературоведов, критиков, историков под названием «Мемуары на сломе эпох» [Мемуары на сломе эпох, 1999; Мемуары на сломе эпох, 2000]. И. Шайтанов, В. Кардин, М. Кораллов, А. Тартаковский, А. Борщаговский, С. Липкин, Б. Сарнов, Э. Герштейн, А. Битов и др. размышляли о том, что граница между автобиографическим повествованием и мемуарами зыбка и расплывчата. Но если в автобиографическом сочинении художественный вымысел вполне

[1] **Levchenko Tatiana Viktorovna** – PhD, chief expert, Center for Digital Archival Research, Faculty of humanities, Higher School of Economics; tatlevchenko@mail.ru

© Levchenko T.V., 2026

допустим и порой просто необходим, то не приводит ли он в мемуарах к отступлениям от правды, к деформации изображаемой действительности? И не подрывает ли доверие к мемуаристике как документальному жанру? Поднимался вопрос и о допустимой мере субъективности мемуаров, должна ли она быть скорректирована критическим анализом при использовании воспоминаний в качестве исторического источника. Участники дискуссии констатировали: «…некоторые драматические периоды в жизни страны (по вполне понятным причинам: именно потому, что они были драматическими и не только публикация воспоминаний, но и сама их рукопись могла навлечь на автора серьезные неприятности) почти не отражены в мемуаристике: коллективизация, массовые репрессии, некоторые страницы Великой Отечественной войны, кампания борьбы с низкопоклонством и космополитизмом и т.п. И многое из того, что писалось и печаталось в последнее десятилетие, рождено стремлением восполнить эти и другие такого рода лакуны» [Мемуары на сломе эпох, 2000].

Имя литературного критика, писателя Федора Марковича Левина (1901–1972) хорошо известно историкам литературы и литературоведам, изучающим литературу советского периода. Опубликованная после его смерти в 1973 г. небольшая книга воспоминаний «Из глубин памяти» [Левин, 1973] по сей день остается и ценным источником по изучению историко-литературного процесса 1920–1970-х годов для исследователей, и интереснейшим мемуарным текстом для обычных читателей. Однако и хронологическая композиция книги, и выбранные автором разнообразные формы мемуарного жанра – литературный портрет, зарисовка, впечатление[1] – оставляют самого рассказчика, его жизнь и судьбу после 1930 г. как бы в тени[2] [Левченко, 2024, с. 952]. Между тем некоторые эпизоды судьбы Левина поразили современников своей дра-

[1] Один из разделов книги так и называется: «Впечатления и портреты» (другой – «Эпизоды и наброски»).

[2] С тридцатых годов профессиональная судьба Левина оказалась связана с работой ряда новых советских культурных институций, в том числе издательств «Федерация», «Советская литература» (главный редактор), «Советский писатель» (создатель, директор и главный редактор, 1934–1935 гг.), журналов «Литературный критик» (зам. главного редактора, 1938–1940 гг.), «Литературное обозрение» (главный редактор, 1938–1941 гг.) и др. Его судьба в личном и творческом плане пересеклась с крупнейшими писателями, критиками, литературоведами XX в., в том числе А. Платоновым, А.К. Воронским, И. Бабелем, Б. Пастернаком, В. Гроссманом, Ю. Домбровским, Ю. Юзовским, Е. Эткиндом, А. Солженицыным.

матичностью настолько, что еще при его жизни превратились в своего рода апокрифы, пересказываемые и записываемые с той или иной степенью точности и достоверности[1].

После смерти Левина комиссию по литературному наследию критика возглавил Ефим Григорьевич Эткинд[2], высылка которого из СССР в 1974 г. стала первопричиной того, что архив Левина на долгие годы остался вне поля зрения специалистов. После его открытия в 2014 г. оказалось, что кроме рукописей опубликованных и неопубликованных критических статей, очерков, литературных портретов, материалов к книгам, в том числе неизданным[3], писем и инскриптов писателей, в нем хранились разнообразные эгодокументы 1917–1972 гг.: дневники и тетради с записями различного типа, записные книжки и неопубликованные рукописи автобиографических сочинений периода 1958–1972 гг.: «История моего космополитизма» (1958–1962), «Из воспоминаний» (1962), «Автобиография» (1966). Кроме того, в эпистолярной части архива сохранились автобиографические письма, написанные Левиным различным партийным и литературным функционерам (А. Фадееву, М. Шкирятову и др.) в период кампании по «борьбе с космополитизмом и антипатриотизмом» и при реабилитации 1949–1954 гг., в которых критик оспаривал предъявленные ему обвинения, исключение из Союза писателей и коммунистической партии

---

[1] Ряд эпизодов жизни Ф. Левина, прежде всего история его ареста весной 1942 г., отправки в Сорокский лагерь и оправдания, были неоднократно пересказаны современниками [Эткинд, 2001, с. 364–371; Дьяконов, 1995, с. 553, 568, 635; Свирский, 1979, с. 293–294]. Однако только после открытия архива они предстали во всей полноте.

[2] Ефим Григорьевич Эткинд (1917–1999) – крупнейший филолог XX в., создатель школы поэтического перевода, историк литературы. Близкий друг Левина. В 1974 г. по политическим мотивам (помощь диссидентам, поддержка И. Бродского, дружба с А. Солженицыным) был исключен из Союза писателей, лишен степеней и званий, гражданства СССР и выслан из страны. Его книги были запрещены и изъяты из библиотек.

[3] Среди этих книг: архив к рассыпанному сборнику «Избранное» (1957) А. Платонова, в котором критик был и редактором, и автором первого критико-биографического очерка о писателе [Левченко, 2024]; пятитомное собрание сочинений В. Гроссмана, которое Левин подготавливал до последних дней жизни; неизвестный первый вариант книги о творчестве И. Бабеля (1966) [Левченко, 2024а]; не пропущенный цензурой вариант книги воспоминаний (1967–1970); материалы к запрещенному сборнику критических статей к юбилею В.Г. Белинского (1948), почти все авторы которого были объявлены космополитами.

и указывал на неправомерность лишения его возможности работать, а также анкеты, договоры с издательствами. В 2015 г. в архив добавились документы закрытого партийного дела Левина 1949–1954 гг.

Анализ этих эго-документов показывает, что, хорошо сознавая историческую важность своего свидетельства о событиях, в которые был вовлечен, и людях, которых знал, Левин на протяжении последних пятнадцати лет жизни создавал мемуарно-автобиографический гипертекст, используя разнообразные литературные возможности мемуарно-автобиографического жанра [Шайтанов, 1979; Жак, 2007; Кириллова, 2019, с. 20–41]. События жизни частной и общественной стали предметом разномасштабного и разножанрового описания и рефлексии. Упомянутое или кратко описанное событие или мельком возникший персонаж в одном тексте – в других становится предметом подробного описания. Одно и то же событие может быть описано разными средствами. Например, герой литературного портрета в то же время может быть персонажем исторического анекдота или эпиграммы[1]. В «Автобиографии» проявляются черты исповеди-самоотчета, а мемуарный текст «История моего космополитизма» одновременно читается как исповедь, проповедь и отповедь.

При анализе содержания дневников и тетрадей было выявлено, что после 1967 г.[2] фрагменты воспоминаний встраиваются в

---

[1] Свою коллекцию эпиграмм незадолго до смерти Ф. Левин передал Е. Эткинду (см.: [323 эпиграммы, 1988, с. 5–10]). В настоящее время она входит в архив Эткинда, хранящийся в Пушкинском Доме. История, связанная с эпиграммой Ф. Левина на К. Симонова, была опубликована в журнале «Наше наследие» [Левченко, 2015]. Обращает на себя особое внимание и обилие на страницах тетрадей анекдотов, политических и остросоциальных, частушек, «авторских» шуток, песен. Даже на фронте Левин вел подобные записи. Сохранилась фронтовая записная книжка 1945 г. с серией солдатских баек последних месяцев войны.

[2] Левин считал 1967 г. годом окончания относительно либерального периода в истории страны. В 1969 г. он записал в дневнике: «Может быть, и впрямь была в 1954–1956–1967 гг. длительная оттепель с заморозками – и снова пришли морозы». Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в 1967 г. произошло личное знакомство Левина с А. Солженицыным [Левченко, 2019]. Писатель выбрал дом критика для работы в марте – мае этого года над своим письмом о цензуре IV съезду советских писателей (22–27 мая 1967 г.), после которого начался новый виток гонений на Солженицына со стороны органов госбезопасности, в том числе через руководство СП. Еще в марте 1967 г. на секретариате ЦК КПСС XVI вопрос повестки был «О писателе Солженицыне А.» и прозвучало предложение председателя Комитета госбезопасности В. Семичастного: «Прежде

дневниковые хроники, превращая текст в мемуарный. События настоящего оказываются имеющими глубокие корни в прошлом. В дневниках периода «оттепели» не соблюдалась ни регулярность ведения записей (нередки пропуски нескольких дней и даже недель), ни связанность только с тем, что происходит в данное время[1]. Настоящее часто присутствовало в виде обязательных памятных записей как делового характера – списки необходимых покупок, звонков, встреч, так и творческого – планы и тезисы выступлений на секции критики Союза писателей, планы, что хотелось бы отрецензировать, о ком, о чем написать. Особое место занимали списки прочитанных книг, статей, журнальных, газетных публикаций и выписки из них[2].

Вот типичная запись из дневника (тетради) 1961 г. В эти дни проходил XXII съезд КПСС (17–31 октября)[3], и, хотя даты не указаны, они точно определяются по контексту.

всего нужно исключить Солженицына из Союза писателей. Это первая мера» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 2. Л. 48). Писателю сначала не давали публиковаться, а в ноябре 1969 г. было организовано его исключение из членов Союза писателей.

[1] Литературная энциклопедия дает такой перечень характерных особенностей дневника: «1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями и настроениями; 3) спонтанный характер записей <...>; 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность или неопределенность адресата многих дневников; 6) интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 231].

[2] В дневниках и тетрадях большое количество записей шахматных этюдов. Некоторые из них оказываются буквально встроены в тексты воспоминаний.

[3] Этот съезд чаще всего вспоминают в связи с обещанием Н.С. Хрущева построить коммунизм к 1980 г. На съезде были приняты Третья программа КПСС, содержавшая планы строительства коммунизма и свод принципов коммунистической морали – «Моральный кодекс строителя коммунизма». Однако этот съезд значил гораздо больше – на нем начался второй этап десталинизации. Одним из важнейших решений, принятых 30 октября 1961 г., было решение о выносе тела Сталина из Мавзолея. На участников съезда и современников произвело большое впечатление выступление соратницы Ленина, большевички с дореволюционным стажем, проведшей 18 лет в сталинских лагерях Д.А. Лазуркиной. «Ни на одну минуту и когда я сидела два с половиной года в тюрьме и когда меня отправили в лагерь, а после этого в ссылку (пробыла там 17 лет) – я ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина, которого ругали все заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: “Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть!”. Со мной спорили, некоторые на меня сердились, но я оставалась непреклонна. Я ценила Сталина, знала, что у него были большие заслуги до 1934 года, и отстаивала его. То-

«17 съезд партии. Голосование. Подавляющее большинство получили Киров, Орджоникидзе. Сталин – 43 голоса из 1200[1]. Он сейчас же встал и ушел. Молотов закрыл заседание.

варищи! И вот я вернулась полностью реабилитированная. Я попала как раз в тот момент, когда проходил XX съезд партии. Тут я впервые узнала тяжелую правду о Сталине. И когда я сейчас, на XXII съезде, слушаю о раскрытых злодеяниях и преступлениях, которые были совершены в партии и о которых Сталин знал, я целиком и полностью присоединяюсь к предложению о вынесении праха Сталина из Мавзолея. Большое зло, нанесенное Сталиным, состоит не только в том, что погибло много наших лучших людей, не только в том, что творился произвол, без суда расстреливали, отправляли в тюрьмы неповинных людей. Не только в этом. Вся обстановка, которая создалась в партии в то время, совершенно не соответствовала духу Ленина. Она была диссонансом духу Ленина» (Известия. – 30 октября 1961. – № 259. – С. 3). Подробнее о ней в прим. 1 на с. 55 ниже.

[1] XVII съезд ВКП(б), названный впоследствии «съездом расстрелянных», проходил в Москве 26 января – 10 февраля 1934 г. На съезде присутствовало 1966 делегатов, из них: 1227 с решающим голосом, 739 с совещательным голосом. Впоследствии за контрреволюционные выступления были осуждены 1108 делегатов из 1966; из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде партии, 70% (97 человек) были арестованы и расстреляны в 1937–1938 гг. как «враги народа»; 5 покончили жизнь самоубийством, и Киров был убит (Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 140). Как пишет В. Роговин: «События, происходившие за кулисами XVII съезда и нашедшие отражение в тайном голосовании на нем, тщательно изучались комиссией Президиума ЦК, работавшей в начале 60-х годов. Опросив уцелевших старых большевиков, которые помнили эти события, комиссия сочла доказанным, что во время работы съезда на квартире Орджоникидзе состоялось тайное совещание группы партийных руководителей. В числе участников этого совещания, на котором обсуждался вопрос о замене Сталина на посту генсека Кировым, назывались Киров, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович, Микоян, Косиор, Петровский, Орахелашвили, Варейкис. <...> Результаты тайного голосования превзошли самые неблагоприятные ожидания Сталина. Счетная комиссия обнаружила, что против него подано около 300 голосов. Ее председатель Затонский немедленно сообщил об этом Кагановичу, который тут же отдал ему распоряжение: указать в протоколе счетной комиссии, что против Сталина было подано на один голос меньше, чем против Кирова. Эти фальсифицированные результаты голосования были доложены делегатам съезда. <...> Когда комиссией ЦК в начале 60-х годов были вскрыты хранившиеся в Центральном партийном архиве документы тайного голосования, обнаружилось отсутствие ведомости о выдаче делегатам избирательных бюллетеней. Результаты голосования были отражены лишь в списке кандидатов, где указывалось число голосов, поданных за и против каждого из них. Согласно этому списку, все кандидаты получили абсолютное большинство голосов, против Сталина было подано 3 голоса, против Кирова – 4. Такому раскладу голосов соответствовало и количество хранившихся в запечатанном пакете бюллетеней, использованных делегатами. Однако в этом пакете было обнаружено всего 1054 бюллетеня (такое же число голосовавших

На другой день (или в тот же день вечером) в зале, кроме делегатов, сотни каких-то неизвестных людей. Молотов без всякого голосования, объявил, что президиум обратился к Сталину и тот дал свое согласие остаться у руководства партией. Делегаты молчат, ошеломлены. Неизвестные бурно аплодируют.

После систематическое истребление делегатов съезда.

Рассказчик – тогда секретарь одного из горкомов Украины, Корнетов, уцелел случайно. Он был арестован, его допрашивали 36 часов. Что его спасло? Перед голосованием он купил в киоске какую-то книгу и вложил в нее свой мандат. Он забыл об этом и, когда требовалось предъявить его, чтобы получить листок со списком для тайн<ого> голосования, не мог найти мандат. Ему выдали листок, ибо окружающие заверили, что он делегат. Потом он нашел свой мандат, сохранил его<.> Но на нем не был поставлен штампик о выдаче листка. Он сказал, что не участвовал в голосовании. Его отпустили. Он ушел с партработы, уехал в Москву, работал в Наркомтяжпроме, был членом парткома.

было указано и в упомянутом списке). Между тем мандатной комиссией съезда было утверждено 1225 мандатов с решающим голосом. Таким образом, выходило, что по непонятным причинам в выборах не приняло участие 166 делегатов.

Впервые официальное сообщение о результатах работы данной комиссии <...> было опубликовано в 1989 году. Однако вскоре после этого бывший член комиссии Шатуновская выступила со статьей, в которой сообщала о фактах, выявившихся при подготовке этой публикации. Из архива Политбюро, куда в 1961 году были переданы документы комиссии, к 1989 году исчезли сообщения о совещании у Орджоникидзе, полученные от его помощника Маховера, присутствовавшего на этом совещании, и от свояченицы Кирова С.Л. Маркус. Кроме того, Шатуновская указала, что “при выборах в ЦК на съезде фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетенях. Сталин приказал сжечь из них 289 бюллетеней, и в протоколе, объявленном съезду, было показано всего 3 голоса против Сталина”. Таким образом, против Сталина голосовали почти четверть делегатов съезда с решающим голосом. Эти выводы основывались также на опросе членов счетной комиссии, оставшихся к тому времени в живых. Все 63 ее члена были репрессированы в 1937–1938 годах, из них к середине 50-х годов уцелело лишь три человека, отбывших длительные сроки заключения в концлагерях. Заместитель председателя счетной комиссии Верховых, не будучи знаком с другими результатами расследования, назвал ту же цифру – 292 голоса, поданных против Сталина. Аналогичные свидетельства, были получены и от двух других опрошенных. <...> Хрущев считал, что ставший известным Сталину факт тайного совещания и результаты голосования на съезде явились главным побудительным мотивом убийства Кирова и последующей массовой резни, учиненной в партии и стране» [Роговин, 1994].

Его жена в сент.-окт. 1961 г. лежала в больнице № 60[1] на Шоссе Энтузиастов в палате 53.

* _ *

Сталин своей рукой застрелил Орджоникидзе на своей квартире (**????**)[2]

* _ *

Крупская умерла беспартийной, Сталин исключил ее из партии. Ее восстановили после смерти Сталина посмертно (**????**)[3].

---

[1] Городская клиническая больница № 60 находилась на пересечении Шоссе Энтузиастов и Новогиреевской улицы. Главный корпус был построен в 1956 г. Больница была ведущим в СССР медицинским учреждением по вопросам геронтологии и гериатрии. Однако чаще ее называли «больницей старых большевиков» по контингенту ее пациентов.

[2] Версия об убийстве Серго Орджоникидзе лично Сталиным, вероятно, основывалась на информации, что Сталин и другие члены Политбюро сразу же оказались у постели мертвого Орджоникидзе, а «после смерти Сталина жена Орджоникидзе рассказывала близким людям, что Сталин, покидая квартиру, резко предупредил ее: “Никому ни слова о подробностях смерти Серго, ничего, кроме официального сообщения, ты ведь меня знаешь”» [Гинзбург, 1991, с. 92–93]. Однако, как пишет Хлевнюк: «Несмотря на то, что мы, видимо, уже никогда не узнаем многих деталей этих событий, можно зафиксировать самый существенный, с точки зрения темы данной работы, факт: Орджоникидзе погиб потому, что пытался в какой-то мере предотвратить усиливающиеся репрессии. <...> Многие авторы делали предположения, что Орджоникидзе был убит по приказу Сталина. Однако, все до сих пор выявленные данные свидетельствуют лишь о том, что Орджоникидзе пытался переубедить Сталина, не вынося разногласия за рамки их личных “двухсторонних” отношений. <...> Соответственно, все известные факты, сама политическая биография Орджоникидзе, его поведение в последние месяцы 1936 и в начале 1937 г., наконец, крайне плохое состояние здоровья Орджоникидзе свидетельствуют, скорее, в пользу версии о самоубийстве наркома тяжёлой промышленности. Это было самоубийство-протест, последний, отчаянный аргумент Орджоникидзе, который безуспешно пытался переубедить Сталина прекратить репрессии против “своих”» [Хлевнюк, 1996].

[3] См.: [Куманев, Куликова, 1994]. Многолетнее противостояние Н.К. Крупской (1869–1939) и Сталина, документы о котором тщательно скрывались многие годы (например, анкета 1936 г., где Крупская открыто писала об участии в зиновьевской оппозиции 1925–1926 гг.) и неожиданная смерть вдовы Ленина накануне XVIII съезда партии (март 1939 г.), на котором она должна была выступить с антисталинским докладом («Крупская хотела не просто выступить, но сказать о грубом попрании демократических норм партийной жизни, о произволе и репрессиях. Так <...> утверждали Фрид, Руднева и ряд других ее соратниц. “При твердом характере и смелости Надежды Константиновны, – считала Д.Ю. Элькина, – такое должно было произойти”» [Куманев, Куликова 1994, с. 224]), породило множество слухов об ее отравлении, об исключении из партии и т.д. Как указы-

(Сталин сказал ей: мы дадим Ленину другую жену! – намекая на Инессу Арманд.)

вают исследователи, получившие доступ к архиву Крупской и другим закрытым архивным источникам, реальная ситуация была такова: «…со второй половины 30-х годов политическая деятельность Крупской идет на убыль, хотя она и оставалась членом ЦК ВКП(б) после XVII партсъезда. В то же время она все больше становится неугодной “гениальному продолжателю ленинского дела”, ее действия, нередко не согласованные с властями, вызывают ответные шаги – постепенно она отодвигается с авансцены политической жизни, с ней почти не считаются по партийным вопросам. Правда, повторяем, внешне ей по-прежнему оказывается определенный почет – ее приглашают в президиумы торжественных собраний, выбирают депутатом Верховного Совета. На официальных церемониях своим присутствием она как бы прилюдно одобряла режим “Ленина сегодня”» [Куманев, Куликова 1994, с. 227]. Авторы не дают ответа на вопрос: была ли смерть Крупской убийством, однако замечают: «...теперь широко известно, что в арсенале сталинской карательной машины имелись самые изощренные способы уничтожения оппонентов. Службы Ягоды – Ежова – Берия не брезговали и умервщлением с помощью яда. Однако это не довод для подобных суждений относительно кончины Крупской, а лишь повод для малоубедительных предположений. <...> В то же время надо признать, что о многих деталях мы никогда не узнаем – часть документов уничтожена, некоторые тайны унесли с собой и палачи и жертвы в могилу» [Куманев, Куликова, 1994, с. 230–231].

Вопрос о сталинской угрозе «замены жены вождя» ни Инессой Арманд, ни кем-то другим в исследовании не обсуждается. В книге Ю. Борева «Краткий курс сталинизма...» эта история приводится в таком виде:

«Профессор Илья Деомидович Панцхава рассказывал в 1949 году.

Крупская как-то возразила Сталину. Он рассердился и призвал ее к порядку:

– Не лезь! Иначе мы скажем партии и народу, кто действительно был женой Владимира Ильича.

Крупская попыталась что-то объяснить, Сталин перебил ее:

– Молчи, дура, а то назначим вдовой Ленина Фотиеву или Стасову» [Борев, 1992].

Инесса Федоровна Арманд (1874–1920) – профессиональная революционерка, деятельница международного женского движения, в 1919–1920 гг. возглавляла женский отдел ЦК РКП(б), соратница Ленина. Сохранившиеся письма указывают на ее дружеские отношения и с Крупской, и с Лениным, с которыми она познакомилась в Париже в 1910 г. Одно из сохранившихся писем Арманд 1913 г. свидетельствует о романтических отношениях между Арманд и Лениным (РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2); Лидия Александровна Фотиева (1881–1975) – профессиональная революционерка, член партии РСДРП с 1904 г. В 1918–1924 гг. – личный секретарь В.И. Ленина. В 1918–1930 гг. – секретарь Совета народных комиссаров и СТО; Елена Дмитриевна Стасова (1873–1966) – профессиональная революционерка, 1917–1920 гг. – секретарь ЦК партии, 1927–1937 гг. – председатель ЦК Международной организации помощи борцам революции (МОПР) СССР и зам. председателя ее исполкома.

* _ *

Несть числа преступлениям Сталина: Киров, Орджоникидзе, Крупская, Аллилуева и тысячи, сотни тысяч других. У Орджоникидзе был какой-то документ, компрометирующий Сталина.

И он лежит в мавзолее рядом с Ильичом. Доживу ли я до того дня, когда Сталина уберут из мавзолея?

* _ *

Не успели, что называется высохнуть чернила, которыми я все это написал, как XXII съезд постановил убрать Сталина из мавзолея. Я дожил![1]

* _ *

Из повести Э. Казакевича[2] “Синяя тетрадь” “Октябрь” № 4 1961 г.

---

[1] 30 октября 1961 г. на съезде выступил первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.В. Подгорный, который в конце выступления сказал: «Товарищи! Разрешите мне по поручению Ленинградской, Московской делегаций, делегаций Компартий Украины и Грузии внести на ваше рассмотрение следующий проект Постановления XXII съезда КПСС: 1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечения памяти Владимира Ильича Ленина, бессмертного основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впредь: “МАВЗОЛЕЙ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА”. (Бурные, продолжительные аплодисменты); 2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина. (*Бурные аплодисменты*)» (Известия. – 30 октября 1961. – № 259. – С. 3). Это постановление было принято единогласно.

[2] Эммануил Генрихович Казакевич (1913–1962) – советский писатель и поэт, переводчик, киносценарист. Повесть «Синяя тетрадь» основана на подлинных фактах и событиях, архивных документах, на беседах со старыми большевиками, на ленинских статьях, написанных на берегу озера Сестрорецкий Разлив в июле – августе 1917 г. Вместе с Лениным от Временного правительства в Разливе скрывался его товарищ по партии Г. Зиновьев. Драматизм и сюжета, и реальной истории в предрешенности будущего разрыва между единомышленниками. В «Завещании Ленина» Зиновьев один из шести упоминаемых ближайших соратников.

Григорий Евсеевич Зиновьев (1883–1936, расстрелян) – профессиональный революционер, политик. Был руководителем Петрограда в период Гражданской войны. Еще до смерти Ленина началась ожесточенная внутрипартийная борьба по целому ряду идеологических вопросов между бывшими соратниками. В 1923 г. Зиновьев и Каменев объединились со Сталиным в борьбе против Троцкого. Однако сразу после XIII съезда партии (май 1924 г.), после отсечения от

Ленин говорит Зиновьеву:

“– Я не жонглирую лозунгами, а говорю массам правду при каждом новом повороте революции как бы ни был он крут. <...>[1] Пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, чем благовидная, благоприличная обывательская ложь.” (стр 53)

“– Не дай бог дожить нашей партии до того, чтобы ее политика делалась втайне, где-то наверху, келейно, мы-де умные, мы знаем всю правду, а массам будем говорить полправды, четверть, осьмушку правды...” (стр 54)

* _ *

Тацит о римском заговорщике Пизоне (?): “Его удерживало желание безнаказанности, всегда служащее препятствием для важных предприятий.”[2]

* _ *

Служитель культа... личности

* _ *

Стиль “русский вампир”

* _ *

Или: “ампир во время чумы”

* _ *

слово “обустройство” А. Рекемчук “Молодо – зелено” повесть “Знамя” № 11 1961 стр. 27 ни в каких словарях, кажется еще

руководства партии части сторонников Троцкого, Сталин напал на недавних единомышленников и начал борьбу с ними, объединившись с новыми союзниками (Бухариным и Рыковым). Противостояние Зиновьева и Каменева Сталину продолжилось: в 1925–1926 гг. возникла «новая оппозиция», о поддержке которой и участии в ней упоминала Крупская (см. прим. 3 на с. 50–51), а затем, в 1926–1927 гг., после объединения с Троцким – «объединенная оппозиция». Первый раз Зиновьев был исключен из партии в 1927 г., но в 1928 г. после покаяния был восстановлен. В 1934 г. Зиновьева арестовали по делу «Московского центра», исключили из партии и осудили на десять лет тюрьмы. В 1936 г. по делу Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1988 г. без восстановления в партии. (Подробнее о периоде 1927–1934 см. [Орчакова, Синин, 2024].)

[1] В дневнике цитата приводится полностью. – *Прим. Т. Л.*

[2] Публий Корнелий Тацит (около 56/58 – после 117/120) – римский историк. О заговоре Пизона против Нерона см. «Анналы», книга XV (события 63–65 гг. н.э.).

нет; обустроить, обустройство – так говорят строители, директора предприятий[1].

* _ *

В апреле 1953 г. мы с Валей и Леной[2] шли по Красной площади. На мавзолее уже были сделаны две надписи: “Ленин Сталин”. День был особенный, после морозов наступила оттепель. На граните, седом от инея, мы заметили нечто необычайное. Более мелкие надписи “Ленин Сталин” были почти не видны, покрытые белым налетом, зато изморозь выделила крупное “Ленин” на том месте, где прежде были врезаны большие эти буквы.

Это было символично. Как будто Ленин не хотел лежать вместе со Сталиным. Мы с Валей переглянулись. Если бы это случилось в восемнадцатом веке, народ счел бы такое явление божьим знамением и выкинул бы тело Сталина из мавзолея.

Мы вспомнили это теперь, когда XXII съезд постановил удалить гроб Сталина из мавзолея» [Архив Ф.М. Левина][3].

Во второй половине 1960-х записи меняют тональность. Они демонстрируют не только жесткую оценку сталинских лет правления и горечь от того, что происходило в те годы, оценки степени ответственности за происходившее коммунистической партии и ее членов, а также коллег по Союзу писателей, начиная от руководства

---

[1] Любопытно, что Левин обратил внимание на слово, которое в 1990 г. станет частью крылатого выражения, благодаря эссе А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

Повесть Рекемчука оказалась среди произведений 1960-х, востребованных исследователями и в настоящее время. В 2012 г. Г. Ахметова, анализируя язык современных писателей, проведет аналогии именно с текстом «Молодо-зелено» и отметит: «в повести А. Рекемчука “Молодо-зелено” наблюдаются те языковые процессы, которые стали активно проявляться в современной русской прозе». В живом языке писателя есть «метафоризация (антропоцентризм метафор), семантико-грамматические сдвиги, <...> употребление фразеологизмов и поговорок», характерные для современных авторов. Однако вопрос о неологизмах, столь распространенных в постмодернистской прозе, и параллель со словотворчеством Рекемчука в повести остается вне обсуждения, см.: [Ахметова, 2012].

[2] Валентина Иануариевна Журавлева (1908–1975) – жена Ф.М. Левина, Дружила со многими литераторами и их семьями (записи из ее дневника о В.С. Гроссмане опубликованы в: [Левин, 2014, с. 110]); Елена Федоровна Левина (1936–2018) – дочь критика, кандидат химических наук, переводчик, член Союза писателей Москвы [Левченко, 2019, с. 137–139].

[3] Ссылки на архив приводятся без уточнения шифров хранения, см.: [Левченко, 2025].

и заканчивая рядовыми писателями и критиками [Левченко, 2015; Левченко, 2025], но констатацию, что общество не прошло весь путь по осознанию и осуждению недавнего прошлого, необходимый для понимания настоящего.

Из дневника (тетради) 9 декабря 1969 г.:

«Хотел купить в магазине “Политическая книга” стенограммы XX и XXII съездов партии. Черта с два! Их нет. Как же! Там речь Лазуркиной[1]. Речь Микояна. Речь Н. Подгорного насчет удаления тела Сталина из мавзолея. Не звучит! Теперь всякое упоминание о культе начисто удаляется из повестей, романов, рассказов. Роман А. Письменного “Большие мосты”, изданный всего два года назад, уже не переиздается. Был набран... и рассыпан. О культе со знаком плюс писать можно: пример, В. Кочетов[2] и мемуары Штеменко[3] и др. Из книги маршала Г.К. Жукова купировано, как гово-

---

[1] Дора Абрамовна Лазуркина (1884–1974) – профессиональная революционерка, сидевшая в царских тюрьмах. Соратница Ленина, открыто выступавшая после его смерти с осуждением начавшихся сталинских репрессий против старых ленинцев. В 1937 г. была арестована «за участие в контрреволцционных организациях», осуждена сначала на 5 лет ссылки, а затем на 8 лет лагерей. Освободилась в 1955 г., проведя в общей сложности 18 лет в заключении. После освобождения участвовала в десталинизации. Ее речь на XXII съезде КПСС с рассказом, будто Ленин явился ей во сне и сказал, что не хочет лежать в Мавзолее рядом со Сталиным, стала легендарной (см., например: [Черкашин, 2025]; см. также прим. 3 на с. 47–48 выше).

[2] Александр Григорьевич Письменный (1909–1971) – советский писатель. Роман был переиздан только в 1990 г.

Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973) – советский писатель, чиновник в Союзе писателей; в 1953–1955 гг. руководил ленинградским отделением Союза писателей, в 1955–1959 гг. – редактор «Литературной газеты», в 1961–1973 гг. главный редактор журнала «Октябрь». «Среди писателей СССР – самый непримиримый и догматичный сталинист» [323 эпиграммы, 1988, с. 168]. В книге Эткинда приводятся две эпиграммы, ярко характеризующие их персонажа:

О том, что Кочетов подлюга,
Лишь знали Гатчина и Луга.
Теперь при помощи газеты
Оповестили пол-планеты (1955).

На роман Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?»:

Чего же хочет злобный кочет?
Конечно, Сталина он хочет.
(А. Палей, октябрь 1969) [323 эпиграммы, 1988, с. 114].

[3] Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976) – генерал армии (1968). В 1969 г. были опубликованы его воспоминания «Генеральный штаб во время войны».

рят, чуть не двести страниц[1]. Он высоко оценивает Уборевича, Якира, Егорова, Тухачевского, под командованием которых служил, с которыми встречался. А потом они исчезают из книги и даже непонятно как они все испарились.

В “Правде” время от времени появляются статьи. О Якире. К 80-летию рождения С.В. Косиора[2]. В конце сказано: жизнь его

---

[1] Георгий Константинович Жуков (1896–1974) – один из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной войны и XX в. Маршал Советского Союза (1943). Георгиевский кавалер (два креста). Четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956).

Как пишет о работе отца над мемуарами М.Г. Жукова: «Около десяти лет трудился отец над воспоминаниями. Принимая во внимание, что он был в опале, постоянно подвергался травле, был болен и многое-многое другое, можно назвать создание книги его вторым подвигом. Выход в свет в 1969 году объемистого тома в красной суперобложке был настоящим событием в нашей стране. <...> Когда в апреле 1969 года книга появилась на книжных прилавках Москвы, первый тираж в 100 тысяч экземпляров был раскуплен мгновенно» [Жукова, 2024, с. 5]. В ЦК было сделано 180 замечаний к рукописи: «Там не была указана руководящая роль партии на таком-то фронте и в таком-то полку и еще много чего другого...» [Жукова, 1999]. «Первым противником издания мемуаров маршала был главный идеолог, член Политбюро М.А. Суслов. “Инстанция” требовала убрать главу о репрессиях по отношению к командному составу Красной Армии и положительные характеристики Тухачевскому, Уборевичу, Егорову, Блюхеру и другим сослуживцам Жукова. Изменить отношение к политике партии перед войной и неудачам в первый год войны» [Карпов, 1994, с. 377]. По воспоминаниям редактора книги А.Д. Миркиной: «На Маршала Жукова был оказан огромный прессинг. В то время, когда господствовала беспощадная идеологическая цензура, и не могло быть иначе… Многие позиции удалось отстоять, но в некоторых случаях Г.К. Жуков вынужден был отступить, иначе книга не вышла бы в свет. В этом легко убедиться, сличив текст 1-го издания 1969 года с вышедшим в 1989 году без купюр 10-м изданием, дополненным по рукописи автора. В оригинале рукописи вымарывались целые страницы, абзацы, фразы изменялись так, что теряли свой смысл. Всего было выброшено около 100 машинописных страниц» [Жукова, 2024, с. 6].

Александр Ильич Егоров (1883–1939, расстрелян), Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937, расстрелян), Иона Эммануилович Якир (1896–1937, расстрелян), Иероним Петрович Уборевич (1896–1937, расстрелян) – профессиональные военные, участники Гражданской войны, высшее командное руководство Красной Армии. Об их биографиях и трагической гибели подробнее см.: [Черушев Н., Черушев Ю., 2012].

[2] Сергей Витальевич Косиор (1889–1939, расстрелян) – член партии с 1907 г. Советский партийный и государственный деятель. Участник Гражданской войны, партизанского движения на Украине. Арестован 14 мая 1938 г. Был обвинен в работе на руководство буржуазно-помещичьей Польши, объявлен главой

оборвалась в таком-то году. Что значит «оборвалась»? Инфаркт миокарда? Инсульт? Автомобильная авария? Разбился самолет? Крушение поезда? Ничего не сказано, что он был арестован как «враг народа» и расстрелян. Неужели кто-то думает, что умолчание полезно для воспитания молодежи и т.д.?

Живешь как в дурном сне!» [Архив Ф.М. Левина].

Истории репрессированных начиная с 1930-х годов есть во всех дневниках и тетрадях критика. Судьба обычного человека, современника, затянутого в жернова истории; часто это были рассказы о людях, не имевших отношения ни к литературе, ни к литературной среде[1].

В тоже время собирание и запись подобных рассказов были частью той работы, которую с середины 1950-х годов Ф.М. Левин вел по возвращению в литературу имен гонимых, репрессированных литераторов[2].

несуществующей «польской организации войсковой». После девяти месяцев следствия приговорен к высшей мере наказания.

[1] Эти истории дожны были составить отдельную книгу. Ее предполагаемое название «Из книги судеб». В преамбуле к ней Левин писал: «Я хочу рассказать о людях, которых знал. Их уже нет на свете. Они не были ни архитекторами, ни писателями, ни учеными, ни крупными политическими деятелями, не были знамениты. История не хранит их имен. <...> Мне уже немало лет. Я тоже умру и унесу с собою память о тех, кто меня сопровождал и окружал в жизни. Люди, которых я знал, умрут вторично и уже окончательно. А я не хочу, чтоб они умирали. И я сделаю то, что в моих силах, я напишу об этих людях. Пусть хоть частица их продолжает жить. Как жаль, что я знаю и помню так мало и что перо мое так слабо!» [Архив Ф.М. Левина]. В книге «Из глубин памяти» несколько новелл соответствует этому замыслу.

[2] Левин работал в комиссиях по литературному наследию, пробивал, подготавливал к изданию книги, сборники, восстанавливал биографии, оказывал помощь тем, кто вернулся из сталинских лагерей (Ю. Домбровский Е. Тагер, С. Снегов и др.). О значении одной из таких левинских забот литературовед Л. Шубин писал: «Случилось так, что, когда в 1958 году, через семь лет после смерти писателя, была переиздана небольшая книжечка его рассказов и началась “вторая жизнь” Андрея Платонова, вдруг выяснилось, что имя его основательно забыто и для современного читателя он стал “писателем без биографии”. К счастью, обстоятельства к тому времени изменились, полемические страсти, некогда бушевавшие вокруг его имени, малость поугасли, и Федор Левин, автор предисловия к переизданию, смог впервые, по сути дела, рассказать о его биографии, в том числе и о воронежском ее периоде. Введенный Левиным биографический материал, несмотря на то, что он был невелик, являлся принципиально новым» [Шубин, 1984, с. 34].

Предваряя свой рукописный сборник «Из воспоминаний» (1962), на страницах которого появятся не только гонимые, но и гонители, он напишет: «Записи в этой тетради – мои воспоминания о встречах с людьми, чаще всего с литераторами. Но я не вел дневников и многого не помню. Может быть, это к лучшему: я буду заносить сюда только то, что произвело на меня резкое впечатление, вероятно, это и есть самое интересное, хотя вовсе не самое важное, а иногда даже мелкое. Здесь будут и эпизоды, и анекдоты (в том смысле, который это слово имело в пушкинские времена), и чужие рассказы, и порою кое-какие мои размышления, разъяснения, комментарии. Я не ставлю задачей рисовать портреты, давать характеристики, по моим записям нельзя будет составить целостное представление о человеке.

Конечно, я пишу не для себя, но и не предназначаю эти страницы для печати, во всяком случае, в ближайшие годы.

5 сентября 1962 г. Крым. Планерское. Коктебель Ф. Левин»[1] [Архив Ф.М. Левина].

Наиболее ярким примером использования стилистических приемов исторического анекдота может служить воспоминание о писательнице Лидии Сейфуллиной[2], построенное в виде двух коротких историй и вступительной фразы – нередкого в исторических анекдотах предуведомления, указывающего на ту характерную черту героя, положительную в данном случае, о которой

---

[1] Многие записи этой тетради – самодостаточные и законченные новеллы. Часть записей позже превратилась в мемуарные очерки и литературные портреты, часть в зарисовки, эпизоды, наброски для книги воспоминаний. Однако их литературная форма не всегда определялась творческим замыслом. Часто цель была обойти цензурные запреты и правки на разных уровнях (от перестраховочных редакторских до указаний Главлита). Помогало это не всегда. Больше половины из написанного не вошло в книгу «Из глубин памяти». Более того, даже после смерти критика книгу продолжали править. Так, из состава сборника были убраны несколько новелл, в том числе мемуарный очерк о В. Гроссмане, литературный портрет М. Светлова. Тогда же в некоторых новеллах были вычеркнуты большие фрагменты текста. Особенно пострадали воспоминания об А. Платонове.

[2] Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954) – советская писательница. В 1946 г. она пыталась выступить в защиту А. Ахматовой и М. Зощенко. В записях Левина подробно записаны трагические истории и репрессированного «перевальца» Валериана Правдухина (1892–1938), мужа Сейфуллиной, и семьи ее сестры Зои Николаевны Сейфуллиной-Шапиро. Семьи Левиных и Сейфуллиных многие годы связывали дружеские отношения.

будет идти речь[1]: «Ее прямота и правдивость были известны всем. Человек она была необыкновенный».

Один из этих эпизодов таков: «Заседание секретариата или президиума в 1949 или 1950 г. Выступает Бубеннов[2]. Очередная погромная речь против неких космополитов или тех, кто недостаточно с ними борется. Сейфуллина сидит как Царевна-Лягушка. Из-под челки смотрят ее большие карие, почти не мигающие глаза. Вдруг она произносит отчетливым громким голосом:

– Что ж это вы, товарищ Бубеннов! Как Малюта Скуратов!

Бубеннов побледнел, попятился, выставляя ладони, отстраняясь как от чорта – чур меня, чур.

– Лидия Николаевна! Лидия Николаевна!

И сел не кончив речь» [Архив Ф.М. Левина].

Иногда «народный» анекдот перерастает у Левина в исторический. Включенный в мемуарный текст он становится ключевым моментом повествования, превращается в трагическую историю, в символ времени. Более того, одному анекдоту 1930-х годов Левин придает особое значение и несколько раз возвращается к нему в своих воспоминаниях и дневниках [Левченко, 2025, с. 140]. Например, в воспоминаниях о событиях 1935 г. в издательстве «Советский писатель», главным редактором и директором которого Левин тогда был. Две женщины, возглавлявшие профсоюзное (О.Д. Полуян) и партийное (О.В. Колесникова) руководство издательства потребовали от Левина провести чистку издательства от «сомнительных кадров»[3]. За отказ увольнять людей они написали на Левина «заявления в М<осковский> К<омитет>, ЦК, в партком Союза писателей». Левин получил партийное взыскание, а в изда-

---

[1] Как отмечает Е. Курганов: «В “Частной риторике” Н. Кошанского указывается, что цель анекдота “объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость”, а “Энциклопедический лексикон” 1835 года добавляет: “Главнейшие черты хорошо рассказанного анекдота суть краткость, легкость и искусство сберегать силу или основную идею его к концу, и заключить оный чем-нибудь разительным и неожиданным”» [Курганов, Охотина, 1990, с. 4].

[2] Михаил Семенович Бубеннов (1909–1983) – советский писатель, активно участвовал в кампании по борьбе с безродными космополитами и антипатриотами; его военный роман «Белая береза» (1947) фигурировал в дискуссиях и проработках тех лет как пример вредительской недооценки автора критиком-космополитом Ф. Левиным.

[3] О чистке 1935 г. в издательстве «Советский писатель» см.: [Левченко, 2017, с. 46–50; Левченко, 2023, с. 65–67].

тельстве начались аресты, во время которых была арестована и Полуян. «Меня вызвали на Лубянку. Я еще работал в издательстве. Шла весна 1935 г. Спрашивали о ней. Я сказал, что хотя она очень меня допекала, но я ничего плохого сказать о ней не могу, ведь она проявляла бдительность, правда, по-моему, чрезмерную, необоснованную. Следователь поулыбался, – должно быть, над моей наивностью, – я подписал свое показание и ушел. А я и сейчас думаю, что Полуян, действительно, проявляла бдительность совсем в духе времени, в духе тогдашней линии. Я никогда этой "бдительностью" не занимался и только недоумевал, поражался, но до поры до времени верил, что сажают за дело. Но мне рассказали анекдот и у меня после того как-то открылись вдруг глаза.

Анекдот простой. Арестовали, якобы, какого-то гражданина и следователь требует от него с разными угрозами, чтоб тот подписал показания, будто он швейцарский шпион. А тот сказал:

– Пожалуйста, я подпишу, но вы мне объясните: зачем вам столько шпионов?

В самом деле, подумал я, откуда столько шпионов? Арестованы сотни тысяч, миллионы. Двери камер еле удавалось закрывать, – столько народу набивали в них. Невозможно заслать и завербовать столько шпионов» [Архив Ф.М. Левина].

Однако началом и центром мемуарного гипертекста является рукопись книги «История моего космополитизма». Работа над текстом началась 21–22 сентября 1958 г., через неделю после самоубийства критика Ивана Макарьева, когда, осмысляя произошедшее, Левин запишет свои мысли о его причинах: «Его смерть, его судьба, как вспышка, осветила мне очень многое, целый период нашей жизни, поэтому я сопоставил ее со смертью А. Фадеева. Они стояли на двух полюсах эпохи и покончили с собою, оба оказались ее знамением, ее жертвами. Сопоставление этих судеб полно глубоко смысла»[1] [Архив Ф.М. Левина]. Этот анализ судеб во времени побудил Левина продолжить воспоминания, уже о своей

[1] Иван Сергеевич Макарьев (1902–1958) – советский критик, литературовед, один из идеологов РАППа, заместитель Л. Авербаха. В 1937 г. был арестован, отправлен в лагеря, в 1955 г. реабилитирован и вернулся в Москву. Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – писатель, член ЦК ВКП(б), с конца тридцатых возглавлявший Союз писателей. Входил в руководящую верхушку РАППа, но активно участвовал в разгроме этой организации. Эти биографические моменты имеет в виду Ф. Левин, когда сравнивает эти две судьбы и смерти. «Два полюса эпохи», пришедшие к одному итогу.

судьбе. Основной текст был написан в течении 1958 г., но уточнения, дополнения критик вносил и позже[1].

Книга начинается словами: «Это воспоминания о том, как возникла кампания по борьбе с космополитизмом, и как я был объявлен космополитом, и что выпало в связи с этим на мою долю, я начинаю писать в Коктебеле. У меня нет под руками ни газетных подшивок тех лет, ни моих собственных документов, я пишу только по памяти. Поэтому многое придется потом уточнять и дополнять. С другой стороны никакие газеты и документы не содержат тех подробностей, которые сохранились в моей памяти и большую часть которых знаю только я» [Архив Ф.М. Левина].

Этим вступлением Левин, с одной стороны, сразу подчеркивает, что его повествование – автобиографические мемуары, с другой – изначально подразумевает их будущую фактическую точность.

Тем не менее, несомненно, что «История моего космополитизма» – важный исторический документ. Федор Левин начал писать свои воспоминания о кампании по борьбе с космополитами почти сразу после XX съезда, то есть не двадцать-тридцать-сорок лет спустя после описываемых событий, а по близким, свежим воспоминаниям и ощущениям. Кроме того, это взгляд на происходившее не просто свидетеля или участника, а взгляд человека прошедшего череду «гражданских казней». Левин фиксировал не отдельные моменты страшного периода истории советского литературного процесса, но рассматривал судьбы ряда его участников, начиная иногда с тридцатых годов, видя там истоки происходящего. Он не только сообщал какие-то факты, но пытался передать атмосферу эпохи, когда каждый день проверял человека на гражданское мужество, на порядочность, когда один и тот же человек мог сегодня протягивать руку помощи, а завтра ею же топить. Левин показывал «величие ничтожных поступков»[2] – пожатия руки гонимого или неявки на чье-то судилище.

---

[1] По воспоминаниям дочери критика Е.Ф. Левиной.

[2] В романе Ю. Трифонова «Время и место» (1980) очень точно определено это явление *времени*: «Послушайте, я расскажу вам другое, Антипов. Просто для вашего сведения... И для того, чтобы усугубить общую неразбериху... Возможно, вы знаете, а возможно, нет: в сорок шестом, когда я принял вас в свой семинар, мне дали понять, что вы лицо нежелательное и без перспектив. Что *из семьи, так сказать...* И посоветовали отделаться… <...> Того человека уже нет. И, кстати, он желал мне добра. Дело не в том, что я не захотел от вас отделываться и проявил,

Документальность повествования подтверждают рассекреченные материалы партийного дела по исключению Ф. Левина из партии и стенограммы партийных и общих собраний в Союзе писателей, в Литературном институте, в ряде издательств.

В то же время текст «Истории моего космополитизма» безусловно интересен с художественной точки зрения. Само название «История моего космополитизма» отсылает к названию другого автобиографического текста – к «Истории моих бедствий» Пьера Абеляра. Более того, словосочетание «мои бедствия»[1] также присутствует в левинском повествовании.

стало быть, некоторую неосторожность или, скажем, некоторое чрезмерное уважение к самому себе, а в том, что... что... – Он умолк, думая. – Сам не знаю... В чем-то другом... Поступок-то был ничтожный... Но бывают *времена* величия и ничтожных поступков! Ах, все равно! – Он махнул рукой. – Я не лучше и не хуже других» [Трифонов, 1987, с. 439–440]. (Заметим, что в контексте времени фраза «Что из семьи, так сказать...» отсылает к выражению «член семьи изменника родины» (ЧСИР). Оно было закреплено в статье 58-1а УК РСФСР в 1926 г., а затем в 1935 г. Законом СССР «О членах семьи изменников Родины». По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. срок заключения ЧСИР, в частности жен врагов народа, был определен в 5–8 лет. По сюжету романа в начале 1946 г. у Антипова, в тот момент студента второго курса Литинститута, вернулась мать, которую он не видел восемь лет. Срок, облик вернувшейся – в ватнике, с чемоданчиком, обшитым холстом, проблемы с разрешением жить в Москве свидетельствуют о том, что женщина вернулась из Гулага. Упоминание «из семьи» позволяет понять, что и мать Антипова была осуждена как ЧСИР.)

[1] Ср.: «Когда мое “дело” было уже у Шкирятова и наступил совсем уж критический момент, я решился попросить Юдина заступиться за меня. <...> Юдин говорил со мною очень дружелюбно. Я объяснил коротко суть дела. Он спросил только одно: был ли я когда-нибудь в каких-либо оппозициях? Я к ним никогда не принадлежал. Это его вполне удовлетворило. И он тут же написал письмо Шкирятову обо мне. Письмо это, может быть, сыграло какую-то роль (меня все же не арестовали). Но Розенталь потом рассказывал мне, что Шкирятов, получив письмо, звонил Юдину и упрекал его: “За кого вы заступаетесь?” Один раз в самом начале **моих бедствий** (выделено мною. – *Т. Л.*), ездил я к нему домой. Мы говорили с ним, вероятно, час. <...> Он спрашивал меня о моем “докладчике” Ошанине, Юдин понятия не имел о таком поэте. Внезапно раздался звонок. Было уже около 12 ночи. Юдина вызывал в Кремль Маленков. Он моментально оделся, машина за ним уже пошла из Кремля. Мы простились, я спустился вниз на минуту раньше его. Я пошел к троллейбусу. Через несколько минут мимо меня промчалась по ночному пустынному проспекту правительственная машина, Юдин уже ехал по вызову» [Архив Ф.М. Левина].

Павел Федорович Юдин (1899–1968) – философ, дипломат, партийный функционер. С 1932 г. возглавлял Институт красной профессуры до его закрытия. Был первым главным редактором журнала «Литературный критик» (1933–1937).

Стоит заметить, что именно в 1959 г. в серии «Литературные памятники» в издательстве АН СССР вышла книга[1] сочинений замечательного философа средневековой Франции – магистра «свободных искусств» Пьера Абеляра[2]. В предисловии от редакции, в частности, говорилось: «“История моих бедствий” дает яркое и наглядное представление об идеологической борьбе, кипевшей во Франции в первой половине XII в., и позволяет понять реакционную роль католической церкви в этой борьбе. <...> Раскрывает перед читателем душевные переживания человека, подвергшегося преследованиям со стороны католической церкви» [Абеляр, 1959, с. 5].

П. Абеляр был верующим христианином, не сомневавшимся в истинности христианства, но догматизм христианского вероучения закрывал для него возможность полного познания Бога. Абеляр призывал своих учеников подвергать сомнению и критическому анализу утверждения авторитетов, находить противоречия и неувязки в тексте Библии, в сочинениях Отцов Церкви и христианских теологов для их дальнейшего прояснения и объяснения.

Столь же искренне верящим в идеалы коммунизма человеком был Федор Левин. Идеалы равенства, братства, вера в светлое будущее для всех и непременную победу добра были не фанатичными идеями, но идеальными установками на всю жизнь. Его идеалы мироустройства не были в противоречии с его профессией критика, однако они оказывались в противоречии с практикой партийной идеологии. Левина регулярно, начиная со времени работы в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение», обвиняли в наличии собственного мнения, идущего вразрез с идеологическими установками[3].

Левин был знаком с ним еще с 1922 г., со времени учебы в Петроградском коммунистическом университете им. Зиновьева.

[1] Это издание есть в библиотеке Левиных.

[2] Пьер Абеляр (1070–1142) – один из крупнейших французских философов; теолог, неоднократно подвергавшийся гонениям со стороны католической церкви. В 1121 г был объявлен на Суассонском соборе еретиком: он должен был публично отречься от своих взглядов и собственноручно сжечь свой трактат «Введение в теологию».

[3] Д. Сегал, оценивая критиков, работавших в этих журналах, в том числе и Левина, характеризовал их: «…неприемлемое и опасное для партийных идеологов стремление самостоятельно строить и оценивать <...> марксистскую точку зрения и <...> умение оценивать с ее позиций всё то фальшивое и поддельное, что навязывает партийная идеология» [Сегал, 2011, с. 198].

Два текста разделяет восемь веков, но удивительны их внутренние параллели, связанные с неприятием, подавлением, наказанием инакомыслия.

Вот как звучит рассказ Абеляра о столкновении со своим оппонентом Альбериком Реймсским в Суассоне, куда он прибыл на суд папского легата[1].

«Наконец, однажды Альберик пришел ко мне с несколькими своими учениками и, намереваясь уличить меня, после нескольких льстивых слов выразил свое удивление по поводу одного места в моей книге, а именно: как я мог, признавая, что бог родил бога и что бог един, тем не менее отрицать, что бог родил самого себя? На это я немедленно ответил: “Если вы желаете, я приведу вам доказательство этого”. Он заявил: “В таких вопросах мы руководствуемся не человеческим разумом и не нашими суждениями, но только словами авторитета”. А я возразил ему: “Перелистайте книгу, и вы найдете авторитет”. Книга же была под рукой, потому что он сам принес ее. Я начал искать известное мне место, которое он или совсем не заметил, или не разыскал, так как выискивал в книге только те выражения, которые могли бы мне повредить. С божьей помощью мне удалось быстро найти необходимое место. Это было изречение, озаглавленное “Августин о троице”, книга I: “Кто думает, будто бог обладает способностью родить себя, тот грубо заблуждается, так как не только бог не обладает такой способностью, но и никакое духовное или материальное существо. Ведь вообще нет такой вещи, которая бы сама себя порождала”.

Услышав это, присутствовавшие при разговоре ученики Альберика даже покраснели от замешательства. Он же сам, желая хоть как-нибудь выпутаться из затруднительного положения, сказал: “Это следует еще правильно понять”. На это я возразил, что данное суждение не ново и к настоящему вопросу оно не имеет никакого отношения, на что сам Альберик потребовал не рассуждения по существу вопроса, а лишь авторитетного свидетельства. Однако же, если бы Альберик пожелал обсудить доводы и доказательства по существу, то я готов показать ему на основании его же собственных слов, что он впал в ту ересь, согласно которой отец

[1] «Альберик Реймсский стал в 1113 г. или 1114 г. реймсским архидиаконом, а в 1137 г., – буржским архиепископом. “Красноречив, но не обладал талантом разрешать вопросы”» [Абеляр, 1959, с. 231]. Был одним из главных противников Абеляра на Суассонском соборе. Вопрос, поставленный Альбериком, затрагивал один из важнейших догматов христианской религии – догмат о Троице.

является своим собственным сыном. Услышав это, Альберик тут же пришел в ярость и начал мне угрожать, заявив, что в этом случае мне не помогут никакие мои доказательства и авторитеты. Высказав эту угрозу, он ушел» [Абеляр, 1959, с. 36–37].

Левин, повествуя о своих мытарствах в комиссии партийного контроля, описывает поразительно схожую ситуацию. Его дело вел некто Серов, аппаратчик ЦК.

«Если в комнате сидел кто-либо из его сотоварищей, Серов был сух, обличал меня напористо и порою даже грубо. <...> Я был беспомощен перед ним, мои аргументы отскакивали от него как горох от стенки. У меня пересыхало во рту, я пил воду, я волновался. <...> Однажды я все-таки взял верх над Серовым. Он не раз нападал на мою еще довоенную статью о Белинском в “Литературной газете”. Как это я говорю о Белинском, толкую о его “западничестве”, о том, что на него оказали влияние западноевропейские философы, что он был сторонником европейских форм свободы и просвещения, хотя и видел оборотную сторону капитализма, его язвы. И к очередному разговору я принес с собой сборник статей Ленина о народничестве и прочел ему известнейшую характеристику русских просветителей 40–60-х годов, где прямо говорится, что они были горячими противниками самодержавия и крепостного права и горячими сторонниками “европейских форм жизни”. Статья эта была написана Лениным в 1899 г. Припертый к стене Серов возразил:

– Ну и когда это Ленин писал!?

Глядя прямо на него, я громко, медленно, раздельно и внятно сказал так, чтобы слышали его соседи: – Ах, вот как? Вы значит, считаете, что эти ленинские положения устарели? Так будьте любезны, подайте в президиум ЦК докладную, что эти ленинские положения надо пересмотреть, что Ленин ошибался. А я этого делать не буду, я считаю, что статья Ленина ни в чем не устарела и верна, как и была. Надо было видеть, как перепугался Серов, как кровь отхлынула от его лица, как он искоса взглянул на своих коллег, как он замахал руками» [Архив Ф.М. Левина].

Для Абеляра вера невозможна без понимания того, во что веришь. Любое положение, утверждение всегда должно быть проверено разумом. Принцип «понимаю, чтобы верить» позволял ему отстаивать свою точку зрения, невзирая на авторитеты. В «Истории моих бедствий» примечательна история, когда Абеляр, прожив несколько месяцев в аббатстве Сен-Дени, читая хроники англосаксонского монаха Беды, жившего в VII веке, обнаружил там

свидетельство, что коринфский епископ Дионисий Ареопагит, считавшийся основателем аббатства, жил в V веке, а посему не мог основать аббатство в I веке. И на самом деле оно основано другим Дионисием, епископом афинским. И вот как описывает философ, что произошло дальше. «Однажды, когда я читал, мне случайно попалась одна фраза из комментариев Беды к “Деяниям апостолов”, где он утверждает, что Дионисий Ареопагит был не афинским, а коринфским епископом. Это показалось весьма неприятным нашим монахам, похвалявшимся тем, что основатель их монастыря Дионисий и есть тот самый Ареопагит, деяния которого свидетельствуют о том, что он был афинским епископом. Отыскав это свидетельство Беды, противоречившее нашему мнению, я как бы шутя показал эту фразу нескольким находившимся поблизости монахам. Они пришли в величайшее негодование, обозвали Беду самым лживым писателем и признали более надежным свидетелем своего аббата Хильдония, который долго путешествовал по Греции с целью исследования этого вопроса и, установив истину, в описанных им деяниях святого совершенно устранил всякие сомнения по этому вопросу. Затем, когда один из моих собеседников настойчиво допытывался у меня, чье свидетельство по этому вопросу представляется мне более авторитетным – Беды или Хильдония, – я ответил, что мне кажется более веским авторитет Беды, труды которого признаются во всей латинской церкви. Этим ответом я сильно их раздражил, и они начали кричать, что теперь-то они меня явно разоблачили, что я всегда был врагом нашего монастыря, а в данном случае тяжко оскорбил и все королевство, отрицая, что их [монахов] покровителем является Ареопагит, что я отнял у королевства честь, которой оно особенно гордится. Я ответил, что ведь не я отрицал это и меня мало интересует, был ли святой Дионисий Ареопагитом или кем-то другим; важно лишь то, что он удостоился от бога венца святого. Однако они тотчас же побежали к аббату и передали ему слова, которые они приписывали мне» [Абеляр, 1959, с. 42–43].

Для Левина собственное мнение было обязательной составляющей профессии критика, к этому он призывал и более молодых коллег. В 1949 г. это было важной частью его обвинений в антипатриотизме:

«Вспоминаю, что было устроено большое совещание “молодых” критиков. Из краев и областей съехалось немало молодых и уже немолодых авторов. Мне досталось прочесть статьи и рецензии З.А. Гусевой, приехавшей из Пензы (А вскоре перебравшейся

в Москву в “Октябрь”, ибо она заведуя пензенским издательтвом, выпустила там один или два романа Панферова) Я отозвался о ее рецензиях довольно сурово, сказал, что они безлики, что она пересказывает содержание (фабулу) рецензируемых книг, а потом добавляет несколько общих хвалебных фраз. И в результате все писатели у нее одинаковы, не видно их индивидуальности, как в поговорке “ночью все кошки серы”, в ее рецензиях все писатели серы. Я добавил, что самого критика здесь не видно. Вот, например, когда читаешь Гурвича, <Юзовского>, узнаешь их по почерку, Юзовского по изяществу письма, по присущему ему остроумию и элегантности, а Гурвича по строго логическому построению, по накоплению аргументов. Ох, и дорого же стоило мне впоследствии это выступление. Мою мысль переврали, говорили, будто я считаю всех писателей серыми, как кошки ночью, и искренне возмущались моим отношением к советской литературе. Упрекали, что я восхваляю Юзовского и Гурвича, этих “космополитов”. И т.д. Нужно ли объяснять, насколько я был прав, элементарно прав»[1] [Архив Ф.М. Левина].

---

[1] Иосиф Ильич Юзовский (1902–1964) – советский театральный критик, литературовед, в 1933–1940 гг. тесно сотрудничал с журналами «Литературный критик» / «Литературное обозрение», во время кампании по борьбе с космополитизмом подвергся травле, был уволен из ИМЛИ, исключен из Союза писателей по одному постановлению с Ф. Левиным. По нему же был исключен из СП.

Абрам Соломонович Гурвич (1897–1962) – советский театральный критик, литературовед, так же подвергшийся жестокой травле во время кампании.

Это место из «Истории моего космополитизма» подтверждают стенограммы партийного бюро 8 марта и партийного собрания 9 марта 1949 г. (ЦГА Москвы. Ф. 8131. Оп. 1. Д. 21; ЦГА Москвы. Ф. 8131. Оп. 1. Д. 28). Вот как звучало это обвинение, выдвинутое парторганизацией Союза писателей в докладе Л. Ошанина 9 марта 1949 г.: «Вот речь его на семинаре критиков. Ф. Левин на протяжении большого количества листов стенограммы говорит, что “критик – это прежде всего, индивидуалист, критик должен что-то защищать и что-то отстаивать, он должен что-то любить и чего-то желать”, но нигде он не говорит о партийной роли критика.

Но зато он очень упорно и много говорит об этих индивидуальностях. <далее цитируются слова Левина>: “Мне кажется, что критика – это очень трудное звание и оно предполагает, прежде всего, индивидуальность, т.е. критик должен иметь свои взгляды на литературный процесс, желать чего-то от этого литературного процесса и в этих своих статьях... он должен нечто отстаивать, иначе это не критика уже...”» [ЦГА Москвы. Ф. 8131. Оп. 1. Д. 28. Л. 102–103].

«История моего космополитизма» написана как исповедь о бедствиях постигших ни в чем не повинного человека, попавшего в жернова государственной репрессивной политики.

Но в неменьшей степени это проповедь человека, отстаивающего свое честное имя, казалось бы в безнадежной ситуации: «Хочу прежде, чем перейти к дальнейшему, сказать несколько слов о том, как трудно не поддаваться гипнозу обвинения. Есть старая поговорка: – Если двое говорят тебе, что ты пьян, ложись спать. – Но она только бледная тень тех ощущений, когда тебя уверяют, что ты виновен в десятках ошибок, если даже не преступлений, когда из тебя делают преступника. Сбросить с себя эту фантасмагорию, рассеять в себе этот мираж, сохранить самостоятельность и здравость суждений бесконечно трудно, тем более, что обвиняют тебя, убеждают тебя, казалось бы твои же товарищи, советские граждане, партийцы, а не какие-нибудь фашисты.

Помню, как однажды я вышел из дому и одновременно со мной из соседнего подъезда вышел А. Гурвич, он бывал там у Н. Оттена и Е. Голышевой[1] – своих друзей. Мы пошли вверх по улице Горького. И тут он сказал мне, что в объявлении евреев космополитами есть основание. “У нас не было Арины Родионовны” – сказал Гурвич. Я резко возразил ему. А разве у всей русской интеллигенции была Арина Родионовна? Разве многие из нее вырастали в городе, чиновном Петербурге? Что вы начинаете на себя клепать?» [Архив Ф.М. Левина].

Левин подробно рассказывает о своих попытках сопротивляться исключению из Союза писателей, партии, увольнению с работы в 1949–1954 гг.[2] Письма (копии отправленных) Левина с просьбами и требованиями разобраться, пересмотреть решения, с пояснениями причин несогласия дополняют повествование.

---

[1] Речь идет о так называемом Доме писателей по адресу: проезд МХАТа, д. 2 (сейчас Камергерский переулок). Николай Давидович Оттен (1907–1983) – кинодраматург, его жена Елена Михайловна Голышева (1906–1984) – переводчик.

[2] В «Истории моего космополитизма» Левин также вспоминает «военную историю», когда во время войны после доноса четырех писателей А. Коваленкова, В. Гольцева, В. Курочкина и Ф. Ваграмова он был в апреле 1942 г. посажен в Сорокский лагерь. Благодаря следователю Г. Великину дело было отправлено в Москву, пересмотрено, и в конце 1942 г. критик вышел на свободу. Во время кампании по борьбе с космополитами она окажется отягчающим обстоятельством при исключении Левина и из Союза писателей и из партии. Подробнее: [Левченко, 2015].

И наконец, со страниц «Истории моего космополитизма» звучит отповедь тем, кто не сумел достойно держаться, кто предавал идеалы и дружбу, кто ради собственной выгоды становился клеветником, литературным палачом. «Ермилов обязал Макарова написать обо мне. Тот уклонялся и отказывался, но ничего не помогало, пришлось писать. Статья оказалась недостаточно жесткой. Автор рассказывал мне, что Ермилов сам правил, усиливал статью. Вообще он учил своих сотрудников: если вы критикуете противника, пускайте в ход все, передержки, демагогию. Вы воюете с врагом. Надо бить его так, чтоб он уже никогда не мог подняться. Ермилов, действительно, воевал так: с “Литкритиком”, с Эренбургом, с А. Платоновым и т.д. Но все, или почти все, кого он думал убить, оставались живы, хотя бы и умерли, а он умер и физически и как критик»[1] [Архив Левина; Левченко, 2024, с. 958].

В 1966 г. Левин пишет еще один текст-воспоминание – «Автобиография», которую можно считать его исповедью-самоотчетом [Чудакова, 1999]. В ней и дневниковых текстах Левина этого периода появляется «житийная лексика», слова из Евангелия от Марка при описании своего внутреннего состояния в годы большого террора 1936–1938 гг.: «И личная и общественная жизнь складывались сложно и из чаши бытия довелось мне пить и горькое и сладкое. <...> 1937 год унес немало людей, с которыми работал, которых знал, которым верил. Репрессии, коим подверглись они, отозвались и на мне <...> Страшнее были глубокие недоумения, возникшие, хоть и не сразу, тягостные раздумья о том, что происходит в партии и стране. Я сам себе не разрешал догадываться о несправедливости репрессий и их причинах и состояние мое можно было бы определить, если б я был верующий “Верую Господи, помоги моему неверию”»[2] [Архив Ф.М. Левина; Левченко, 2017, с. 44].

---

[1] Статья литературного критика А. Макарова «Тихой сапой» была опубликована 19 февраля 1949 г. в «Литературной газете». Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965) – советский критик, секретарь РАПП, редактор журналов «Красная новь», «Молодая гвардия», «Литературной газеты». Был активным участником и идеологом всех погромных кампаний в литературе советского периода. Как напишет Левин в мемуарно-аналитическом тексте об А. Фадееве и И. Макарьеве, с которого началась «История моего космополитизма»: «Ермилов – беспринципнейшая сволочь, конечно, никогда не покончит с собою. Никогда не покончит с собою такая гадина, как Софронов, такой подлец, как Эльсберг или Перцов» [Архив Левина].

[2] Мк. 9:24.

Подобная глубокая искренность пронизывает все автобиографические тексты Левина. Не случайно знавший его при жизни архимандрит Сергий (Савельев)[1], прочитав вышедший после смерти критика сборник воспоминаний «Из глубин памяти», написал жене и дочери Левина: «Страницы как страницы; строчки как строчки, но в них читаю я много больше того, что они могли вместить. Жизнь сложна, трудна, а часто и страшна. И надо иметь большой запас духовных сил, чтобы сохранить веру в человека, веру в то, что добро победит зло» [Архив Ф.М. Левина].

Список источников и литературы

Абеляр П. История моих бедствий. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 258 с. – (Лит. памятники).

Архив Ф.М. Левина. Рукописи, дневники, переписка 1920–1972 гг. (частное хранение).

Ахметова Г.Д. Повесть Александра Рекемчука «Молодо-зелено»: живые традиции реализма в современной прозе // Ученые записки Забайкальского гос. гуманитарно-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Серия Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2. – С. 13–18.

Борев Ю. Краткий курс сталинизма в анекдотах и преданиях. – Екатеринбург : Арго, 1992. – URL: https://history.wikireading.ru/108529 (дата обращения: 19.07.2025).

Гинзбург С. О гибели Серго Орджоникидзе // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 3. – С. 88–98.

Дьяконов И. Книга воспоминаний. – Санкт-Петербург : Фонд регион. развития Санкт-Петербурга : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1995. – 765 с.

Жак Е. Проблемы изучения современной мемуарной прозы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – S 1. – С. 10–12.

Жукова М.Г. «Отец был честным человеком, а потому плохим политиком» // Смена. – 1999. – 20 сент.

Жукова М.Г. Призвана жить долго // Жуков Г. Воспоминания и размышления. – Москва : Эксмо : Яуза, 2024. – С. 5–7.

Карпов В. Маршал Жуков. Опала. – Москва : Вече, 1994. – 415 с.

[1] Архимандрит Сергий (Василий Петрович Савельев; 1899–1977) – выдающийся пастырь, проповедник и духовный просветитель. Основатель духовной общины в храме Преображения Господня в Богородском и храме Покрова Божией Матери в Медведкове. Монашеский постриг принял во время заключения в лагере, где пробыл 5 лет (1929–1934). Знакомство произошло в марте 1966 г., в больнице, где оба лежали с тяжелыми инфарктами. К этому времени относится подарок архимандрита Левину – Библия.

Кириллова Е.Л. Мемуарная проза русского зарубежья первой волны. К вопросу о жанре и метажанре. – Владивосток : ДВФУ, 2019. – 210 с.

Куманев В.А., Куликова И.С. Противостояние: Крупская – Сталин / РАН, Отд-ние истории. – Москва : Наука, 1994. – 253 с.

Курганов Е., Охотина Н. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. – Москва : Художественная литература, 1990. – 274 с.

Левин Ф. Из глубин памяти. – Москва : Советский писатель, 1973. – 288 с.

Левин Ф. Записки в стол // Наше наследие. – 2014. – № 112. – С. 104–114.

Левченко Т.В. Герои очерка В. Шаламова «Александр Константинович Воронский» и их судьбы в материалах архива литературного критика Ф. Левина // Вопросы литературы. – 2023. – № 6. – С. 52–75.

Левченко Т. К истории первого монографического очерка творчества И. Бабеля // Новые российские гуманитарные исследования [эл. ресурс] : тезисы докладов Международной научной конференции «Исаак Бабель в контексте русской и мировой культуры» (12–13 ноября 2024 г., ИМЛИ РАН). – 2024а. – Т. 19. – URL: https://arxiv.nrgumis.ru/articles/archive/2024-tom-19/materialy-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-isaak-babel-v-kontekste-russkoy-i-mirovoy-kultury-k-1/ (дата обращения: 15.10.2025).

Левченко Т. Литературные критики журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» по материалам архива критика Ф. Левина // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19, № 2 (163). – С. 38–52.

Левченко Т.В. Некоторые неизвестные материалы 1963–1972 годов к биографии А.И. Солженицына // Александр Солженицын: взгляд из XXI века : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения, Москва, 10–12 декабря 2018 г. / составитель Л. Сараскина. – Москва : Русский путь, 2019. – С. 135–145.

Левченко Т. Не стоит село на праведниках // Наше наследие. – 2015. – № 115. – С. 108–114.

Левченко Т.В. Неопубликованные материалы об Андрее Платонове из архива Ф.М. Левина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – Москва : ИМЛИ РАН, 2024. – Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко ; сост. М.В. Осипенко. – С. 952–969.

Левченко Т.В. «Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» (1969), повесть «Глоток свободы» (1971) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 3. – С. 122–142.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. редактор и составитель А.Н. Николюкин. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – 798 с.

Мемуары на сломе эпох: «круглый стол» // Вопросы литературы. – 1999. – № 1. – С. 3–69.

Мемуары на сломе эпох: «круглый стол» // Вопросы литературы. – 2000. – № 1. – URL: https://web.archive.org/web/20131026005059/http://magazines.russ.ru/voplit/2000/1/krugly.html (дата обращения 19.07.2025).

Орчакова Л., Синин Е. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг) // Исторический журнал : научные исследования. – 2024. – № 2. – С. 67–80.

Роговин В. Сталинский неонэп. – Москва : [б. и.], 1994. – URL: https://stuff.mit.edu/people/fjk/Rogovin/volume3/v.html (дата обращения: 20.07.2025).

Сегал Д. Пути и вехи. Русское литературоведение в двадцатом веке. – Москва : Водолей, 2011. – 207 с.

Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.) – Лондон : Overseas publ., 1979. – 623 с.

323 эпиграммы / сост. Е. Эткинд. – Париж : Syntaxis, 1988. – 174 с.

Трифонов Ю. Время и место // Собр. соч. : в 4 т. – Москва : Худож. лит., 1987. – Т. 4. – С. 253–518.

Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – Москва : Росспэн, 1996. – ЛитЛайф [эл. ресурс]. – URL: https://litlife.club/books/244091/read?page=55&ysclid=mdgghgzgf0461921918 (дата обращения: 20.07.2025).

Черкашин Г. Последняя большевичка : Воспоминания Д.А. Лазуркиной. – Москва : Директмедиа Паблишинг, 2025. – 60 с.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941 : биографический словарь. – Москва : Кучково поле, 2012. – URL: https://imwerden.de/publ-10389 (дата обращения: 19.10.2025).

Чудакова М. Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского периода» (1920-е – конец 1930-х годов) // Поэтика. История литературы. Лингвистика : сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – Москва : ОГИ, 1999. – С. 340–373.

Шайтанов И.О. «Непроявленный жанр», или Литературные заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77.

Шубин Л. Первая школа искусства жить (Истоки творчества Андрея Платонова) // Вопросы литературы. – 1984. – № 1. – С. 31–61.

Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. – 494 с.